

ГОНГ-

газета о нашей гуманитарной практике

Все школьные поездки так или иначе сливаются в единую пеструю Вереницу. Иногда бывает очень сложно выхватить из потока воспоминаний что-то конкретное. Так и все гуманитарные практики будто соединились в одну долгую-долгую поездку по городам России.

Стремясь скрыться от двух российских столиц, Москвы и Петербурга, мы побывали во многих провинциальных городах. Любимейшими поездками стали знакомства с разнообразными дворянскими усадьбами, разбросанными где-то в глубинке, по областям Ярославля, Тскова, Орла, Костромы.

Первым таким знакомством стала поездка в Михайловское и Пригорское. Не привыкшие к усадьбам и удивленные, мы тогда бегали по

дорожкам парков, увлеченно обсуждали странное, на наш взгляд, расположение комнат в доме, читали светлыми северными вечерами у костра свои стихи, которые тогда еще прилежно пытались писать строго на заданную тему.

Уже через год все переменилось. В Спасском-Лутовиново мы уже жили ярчайшими впечатлениями от увиденных полей, заката, туманной долины речушки и, конечно, от тихих усадеб, Ясной Поляны и самого Спасского. Возможно, именно тогда мы впервые почувствовали, что же на самом деле из себя представляет мир дворянской усадьбы. Бесконечное число мостиков, центральная аллея, ведущая к дому, барский и крестьянский берега пруда в Ясной Поляне и усадебная церковь, очень бережно восстановленный дом Тургенева и заросшая тропка через поле, ведущая к воротам в Спасское, запомнились особенно. Поэтому и стихи все выходили тогда очень личные, а воспоминания от этой поездки остались спокойные, но по-своему восторженные.

Все это было увидено и прочувствовано нами летом, когда не дает покоя дневной зной, а солнце садится так поздно, что дарит удивительную возможность прогулок по вечерам.

Совсем другими мы увидели усадьбы Щельково, Карабиху, Спас Угол, принадлежащие когда-то Островскому, Некрасову, Салтыкову-Щедрину. Сложно погрузиться в усадебную атмосферу, когда снег, иногда переходящий в дождь, замел все парковые дорожки, а сам дом, выделяясь на общем белом фоне, смотрится особенно одиноко. Однако именно эта поездка позволила увидеть жизнь «дворянского гнезда» в другие времена года, далеко не такие радостные, как русское лето, всегда пестрое, меняющееся, дарящее счастье.

Именно поздней осенью российская глубинка особенно печальна и пустынна, усадьбы кажутся почти оставленными. Но они продолжают нести ту атмосферу, которую можно почувствовать только в усадьбе писателя: атмосферу не просто творчества, а жизни этим творчеством.

Для нас такие разные «литературные усадьбы» сложились в единую картину. Все они имеют значение и как исторические памятники, и как неотъемлемая часть жизни писателей, и как очередной опыт знакомства с новым, оставляющим впечатления.

Лично же для каждого любая попытка понять жизнь этих «дворянских гнезд» может стать тем, после чего на следующую усадьбу российской глубинки он взглянет уже по-новому.

Костина Саша

Ярославль – Углич – Кострома

На любимом плече, клубочком, запуганно-нежно
Распрямляю кудряшки дорог, на усадьбы накрученных,
По исколотым пальчикам рек, занесенных надеждой,
Смена времени года идет, по наитью, измученно.

Заручаясь лишь верой в себя и любимым дыханьем,
Смена крадучись движется к дому, пред смертью – напутствие.
Ничего не изменит она. И бывшее название
Все по-прежнему гордо звучит в городском неприютстве.

В нашу будущность станет по-новому, строго и просто,
Без эмоций и чувств, только знание и только уменье.
В истлевающих памятных строчках бывшие погосты,
В тихий мертвенный вечер уйдут, непременно осенний.

На любимом плече, клубочком, запуганно-нежно
Распрямляю кудряшки дорог, на усадьбы накрученных,
По исколотым пальчикам рек, занесенных надеждой,
Смена времени года прошла. По наитью?

Заученно!

Очень личная осень, по-усадебному неродная,
Отразившая мастерски-точно терракот припорошенный
Межсезонье душевное на любимом плече утихает,
Утопая в зиме... Знаменитый. Пустынный. Зброшенный...

Костина Саша

Спасское - Лутовиново

*Когда дожди текли в пространство,
И небо куксилось зарею винною,
Я шествовал по нивам Спасского
И по тропинкам Лутовинова*

*Я был невольною усмешкою
И лесу, и седому полю,
Рассматривая горе женское
Под микроскопом своеволья.*

*Дождями куксилось небо,
Как баба, дико и уныло,
И поле серую газетой
Палитру сердца промочило.*

*Я находился в полустранстве,
И лужи пахли берегами,
Ловя обломки от пространства,
Разбившегося под ногами.*

*А мимо солнце пролетало,
И, ничего не освещая,
Облило небо дымкой талой
Из кружки сахарного чая.*

Стрелецкий Атем

Ферапонтово

Пролетают дни, как мысли,
Мысли – точно как стрела.
С неба низко тучи свисли,
И вокруг сгустилась мгла.

Но пусть дождь струями
лётся,
Пусть, хоть солнца с виду нет,
Вдруг по сердцу разольётся
Вмиг какой-то чудный свет.

Там, за белыми стенами,
Как за пеленой веков,
Расстилается над нами
Богородицы покров.

Михайловское

Извилистая линия.
Нетронутая грань
Грань там, где небо синее
Прорвёт земную ткань.

И каждое мгновение
На рубеже тех сфер
Мелькает вдохновение,
Покинув свой удел.

Оно такое близкое,
И я его ловлю.
Ловлю созвездье низкое
И лунную струю.

Ввысь летящие фигуры,
Голубой манящий фон.
Полотенец круг, ажурь,
Фресок светлых лёгкий сон.

Словно с озера, что рядом
Распахнуло вод стекло,
Словно с неба, птичьим садом
Ставшего давным-давно,

Та лазурь сошла на своды
И застыла, как мечта.
Здесь гармония природы
С храмом Божьим. Навсегда.

Павлова Лиза

Павлова Лиза

Спасское-Лутовиново

*Все было бы просто и ясно: не очень далекий город,
Нездешняя пестрость цветов, ворожба незабудок в поле,
Сонность заката, озерные темные поры,
Пыльная тропка о брызгах солнечных молит.*

*Нужно бы даже сложнее, не так откровенно,
Нужно запутанней, с долей немого изящества,
Нужно бы пару теней по-жемчужному пенных
Женщин тургеневских, взглядом с собой говорящих.*

*Они бы блистали особенной летней походкой
(Вы понимаете, сами не раз так ходили).*

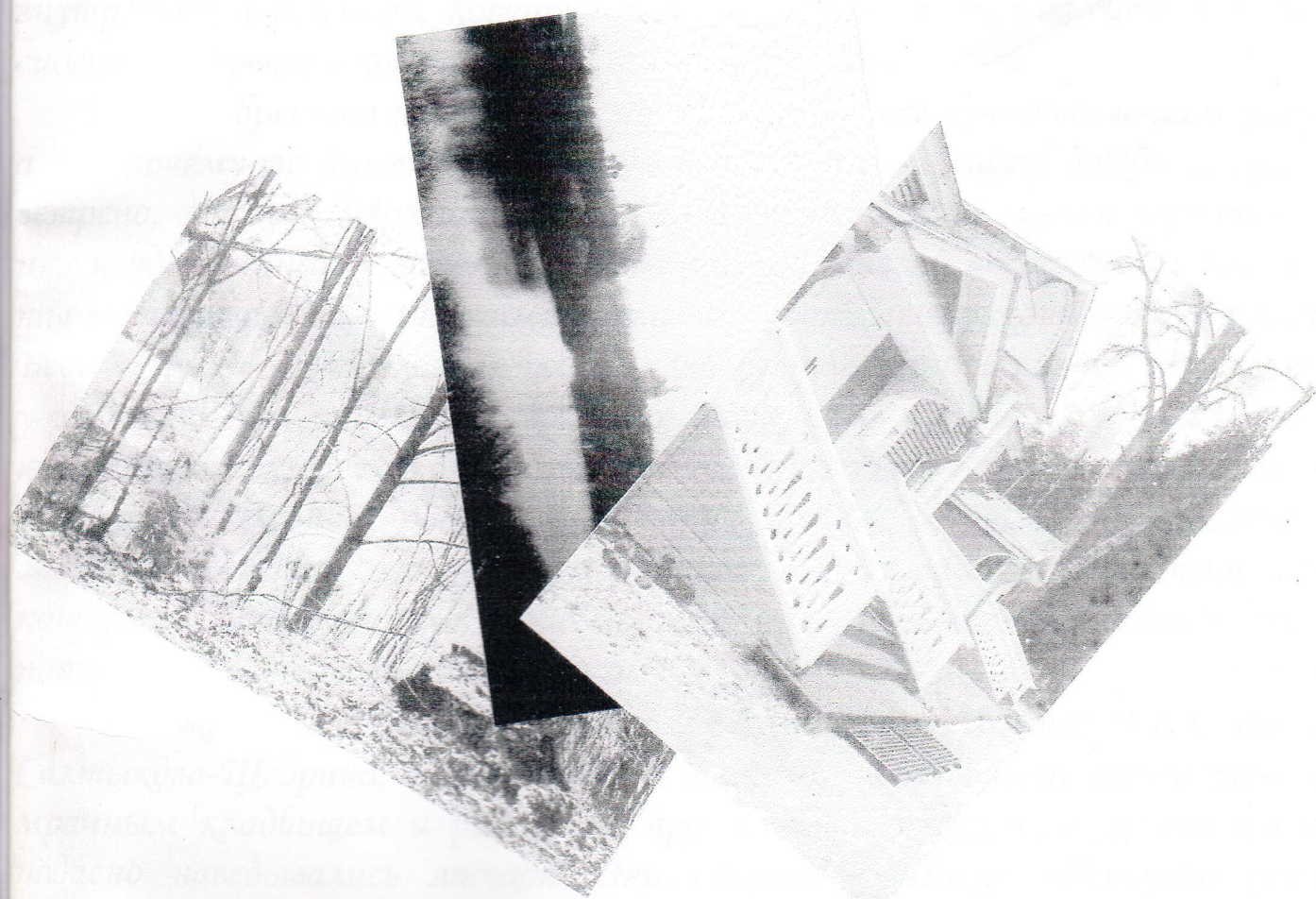
*Полусмеясь, чуть играя, по-детски нечетко
Желтое поле длинным бы платьем умыли.*

*Спасское было бы им без границ благодарно,
Хлопали б влажные серые неба ресницы,
Отзвук хлопка оказался бы грома ударом,
Взгляда пронзили бы все белоснежные спицы.*

*После заката, пропавшего где-то за лесом,
Пара теней растворилась в тенистой поляне,
И растянулась по небу молочной завесой,
Чарами лиц с непонятных картин Модильяни*

Костина Саша

*Наши разные поездки,
наши литературно-приусадебные ассоциации*

Когда-то было время, когда мы все делали выбор профиля, и с гордостью могу показать, что я, все мои одноклассники оказались в гуманитарном классе неслучайно. В июне нас ожидают летние практики, ни одни каникулы не остаются неохваченными. Что же это такое – наши недельные выезды, наши внезапные исчезновения? Только ли это любопытство или исполнение требований?

Для нас подобные поездки, ставшие традицией, это не только истошные вопли из озера, не только ночные бодрствования вне зоны спальника, не только запах земляники (на сей раз без всяких аллюзий на Артемия Филипповича из «Ревизора»), не только возможность поиграть в волейбол на опушке, не только снежки до полного промокания и чай из термоса.

Озеро, которое мы облюбовали, располагалось у подошвы холма, на котором стоял домик Тургенева. Да, конечно, когда в тебя летят

искрящиеся брызги, слабо представляешь себе эстетическую сторону дела, но уже вечером, после купания, согревшись у костра, тебе почему-то чертовски хочется, перевернув при этом рюкзак, достать свою последнюю ручку и написать, как волшебно и сказочно смотрится маленький особнячок не с выметенной стороны, где еще стоят будочки с билетами, а с другой, внутренней, интимной, которую видно из озера. И отсюда ночные бдения, сидения на бревне в компании фонарика и тетради.

Кто-то бренчит на гитаре, кто-то занимается приготовлением ужина, а ты почему-то пишешь. Или когда поздней осенью, идет дождь со снегом, ветрено, а руки замерзли. Почему? Потому что они не знают перчаток — в них неудобно писать. Стоя на холоде посреди главной костромской площади, ты пытаешься одеревеневшими пальцами, — дописать, закончить, высказать. Ведь в этом наша главная цель — чтобы увидеть, и потом пропустить увиденное через призму собственных ощущений. А потом, услышав стихи кого-нибудь другого, рукоплескать, потому что у него получилось, ему близко. И в этом главное удовольствие таких поездок. В теплом, насыщенном автобусе дремать, свернувшись калачиком, и слушать своего одноклассника, который двадцать минут назад заявлял, что у него написан полный бред. И попивать при этом чай из термоса.

Или же — слушать экскурсовода. Оказывается, в Спас Угол, имение Салтыкова-Щедрин, такое унылое, с аллеями, затянутыми пегим снегом, с мрачным кладбищем и рассказом про семейное проклятие, в это имение недавно наведывались японцы. Они ставят в Токио «Историю одного города». Интересно, они приехали, потому что не знали, какие декорации могут потребоваться или почему-то еще? Возможно ли, что, оценив гений писателя, они решили, что для окончательного понимания нужно посмотреть на мир глазами автора?

Мы школьники — весьма похожая история. Мы едем туда, чтобы открыть для себя всю красоту и мощь русского гения, чтобы заразиться тригорщиной, михайловщиной, щельковщиной. И, открыв для себя новое кредо: «пришел, увидел, сочинил», научиться видеть мир глазами истинного художника.

Спасское-Лутовиново и Спас Угол, спасете ли от серости?

Перлова Зоя

Спас-Угол

«Внимание! Делитесь на две группы! Первая группа – в церковь, вторая – на кладбище! Только посмотрите сначала на карту» - так началась речь экскурсовода в усадьбе Спас-Угол, где родился и жил известный писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Это достойный финал двухчасового пути: если дорога – символ жизни, ничем ей нельзя закончиться, как не кладбищем.

В названии сей усадьбы запечатлена мольба к Спасителю: спаси, мол, Господи, наш угол! Господь понял просьбу буквально: от всей усадьбы остался один только угол в виде покосившейся церкви Спаса-Преображения, где находится блестящая экспозиция фотографий

усадьбы (видимо, на случай, если кому лень ходить). Также попадаются портреты семьи известного писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

«Вот перед вами карта усадьбы. Вот это зеленое – это лес. Вот тут мы видим место, где находился любимый домик Салтыкова-Щедрина. Только нету его больше. Он сгорел. А это дом, где великий писатель родился. Только нету его больше. Он сгорел. А это церковь Спаса-Преображения, где мы

находимся. Только ее недавно ограбили. Пойдемте теперь на кладбище».

На кладбище нас познакомили с краткой биографией семьи писателя. Прапрадед и прапрабабка его женились по расчету, оттого на семью известного писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, по мнению соответствующих экспертов, пало родовое проклятие, из-за которого, в частности, мать известного писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина погибла в пожаре, уронив в погреб на пол свечку. Долго на каменные плиты мы не смотрели. И что на них смотреть? Наверное, именно поэтому кладбище — единственное место в усадьбе, которое не сгорело и не было разграблено. Посмотревши на кладбище, пошли мы в усадьбу, где нам досказали то, что не успели на кладбище.

Хотя известный писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин был любимым ребенком в семье, в детстве его не баловали, утром детей не кормили, и они вынуждены были бегать к кормилицам, и те кормили их яичницей. Очевидно, мать известного писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина Ольга Михайловна понимала, что кормилицы и так накормят детей яичницей, и по этой причине свои запасы экономила. Что же касается вообще еды, то ее было в доме много, но ели всегда уже слегка протухшее. Возможно, в тайне надеялись, что кто-нибудь оттого умрет, и кормить придется меньше народу. Такое вот особенное устройство имела в голове Ольга Михайловна, которое и на орган-то похоже не было. Материнское воспитание в детях расчетливости и скупости принесло свои плоды: известный писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин был страстным игроком в карты. Но зато не проигрывал, а выигрывал. Тысячи. Одним из немногих подлинных предметов в усадьбе является его ломберный стол.

А еще он написал много всяких произведений.

А еще он умер.

Все.

Уваров Федя

Дорога

К вопросу

о дороге...

*Там, где взгляд не охватит полей,
Там, где высится лес колоколен,
Там, где воет степной круговой,
Словно зверь, что рычит от боли,*

*Пролегли пояса дорог,
Обхватили леса и села.
Шли по ним, не жалея ног,
Коробейники, богомолы.*

*Шли солдаты, вздымая пыль,
Сапогами смерть попирая,
И крестьянин в поля выходил,
С ним клячонка плелась хромая.*

*Там, где взгляд не охватит полей
Там, где сумрак и скорбь погостов,
Снежной дымкой метет круговой –
Да по зимней дороге мерзлой.*

*Затихает и стынет Русь,
Покосились, сгорбились избы,
Словно давит их горестей груз,
Много тысяч загубленных жизней.*

*По дорогам идет беда,
В кандалах ледяных судьбины.
Русь уводят вперед года,
А вокруг – безнадежность равниной.*

Горбатенко Шуря

***

Исчезая легкой дымкой,
Настоящее уходит,
Раньше ярким быв и пылким,
Станет лишь воспоминаньем,

Что в названьях поколений
Остается для потомков,
Дав на несколько мгновений
Память о родном им прошлом.

Лазарево, Бедарево,
Речка Мера, речка Меца —
Все это так странно ново,
Как давно забытый автор.

И средь деревенек этих
Пробирается дорога,
Бесконечная, как ветер,
Как Россия или песня.

Мчишься ты куда, дорога?
В неизвестность ли уводишь
Иль от нашего порога
Манишь в глубину веков?

Манишь ты туда, где поле,
Где весна, где шум зеленый
Весь идет, гудет на воле,
Сквозь родные нам пространства.
Павлова Лиза

***

Уолт Уитмен — это такой был поэт...

Ажур железнодорожного моста
Не заглушает звуки тишины,
Мне западает в голову верста
И листья неултовой травы.

Мне предлагали разные места-
Поди теперь и всех их разбери:
Пути ведут к Голгофе без креста,
Крестов раздолье, а дороги три.

Пред Господом мы все теперь равны,
И остается думать: неспроста
Остатки от дырявой тишины,
Ажур железнодорожного моста.

Стрелецкий Артем

Живодер или просто о дороге

“вне ритма и рифмы можно ли?”

*Лежит мухадохлая на подоконнике:
Мы едем, едем, едем в далекие края...
Мы все тут уголовники, мы все тут беззаконники,
И первого посадите конечно же меня.*

*Дорога есть эссенция полей и полустанков,
Оставленной России последний торный путь-
По ней идут паломники и пляшут мерно танцы
Цыганы и цыганки, и цыганят табун.*

*И колесо автобуса игриво и стаканчиком,
Оставленным на краешке разбитого стола...
Я буду в поле за окном веселым одуванчиком,
И ты его не рви теперь,
Чтоб муха умерла.*

Стрелецкий Артем